

Новая газ. — 2000. — 6 февр. — с. 23

— Олег, вы знаете свое питерское прозвище?

— Что вы имеете в виду?

— А, значит, я вам не рассказывал, как в ночь на 21 августа 1991 года запоминал цвета российского триколора? Сидел в доме напротив Белого дома на телефонной связи с Питером, чтобы успеть предупредить, если начнется штурм. Штурм все не было, но пришли дети лет по двенадцать и спросили, как им сделать русский флаг? Я сказал, что нужны гуашь и старая простынка. Потом они прибежали еще раз и спросили, в какой последовательности красить полосы? Тогда я сориентировался по флагу на Белом доме (потому что сам не помнил) и говорю: «Знаете артиста Басилашвили?» Они отвечают: «Знаем». «Он, — говорю, — депутат и сейчас организует оборону Белого дома. Друзья зовут его «Басик», и на российском флаге расположение цветов надо запоминать по этому паролю: БаСик — бело-сине-красный.

И совсем не странно, что мне тогда на ум пришло именно ваше прозвище, а, скажем, не слово «босяк»: вы так же всерьез вживались в политику, как в роль на сцене. Зачем вам, знаменитому актеру, было это нужно? У вас была склонность к диссидентству?

— Если говорить откровенно, то я до середины восьмидесятых был апологетом советского строя. Но когда умер Андропов, то покойный ныне Семен Давыдович Аранович начал снимать шестисерийный телефильм «Противостояние», и я там должен был сыграть роль сыщика уголовного розыска. Я не знал этих людей, а потому попросил устроить меня на работу в одно из отделений угро стажером.

— Днем стажер, а вечером актер?

— Да, целых два года. Присутствовал при допросах, участвовал в разработке версий...

— Я не буду спрашивать, поймали ли вы хоть одного бандита...

— А меня не брали на операции. Но чтобы понять своего сыскаря, я должен был понять и его гражданскую позицию. Ну, скажем, а как он к Щелокову относится?... В сценарии Юлиана Семенова материалов к этому размышлению почти не было, и я спросил у Арановича что-то о политбюро... И впервые услышал членораздельное: «Это банда».

«Как банда?» «Банда бандитов с паханом во главе, захватившая всю власть и живущая в свое удовольствие. А мы обслуживаем эту банду. Вот и все».

— Это было шоком. Но с тех пор я стал думать.

А второе это, конечно, фигура Андрея Дмитриевича Сахарова.

— Однажды я поймал себя на том, что за вас как за актера становится страшно. Вы поднимались на трибуну, зачитывали какие-то тексты...

— Чужой текст я зачитывал лишь однажды — на инаугурации Ельцина. Все остальное выношено благодаря язве желудка, колиту и гастриту под ночной бой кремлевских курантов в номере гостиницы «Россия». В поту и ужасе, выверяя каждое слово, потому что понимал, куда может привести любая неточность.

— А болячки — это гастроли?..

— Да, заграничные. Мы же знали, как из двух бритвенных лезвий сделать замечательный кипятильник. Стакан тут же закипал! И набирали консервов, чтобы на каждую копейку что-то привезти домашним. Партия и это предусмотрела, и нас инструктировали, чтобы с банок мы дома снимали наклейки, а пустые жестянки выбрасывали завернутыми в иностранные газеты... Их мы специально покупали... Чтоб мусорщики думали, что это финны какие-нибудь ели...

— Не жалеете, что перестали играть в политику?

— Не жалею. Бегать ради хорошей идеи готов, а заседать — уже нет.

— А если б надо было все начинать сначала, опять пошли бы?

— Обязательно. Во мне вызывают брезгливость те, кто утверждает, что деятель культуры должен заниматься лишь своим профессиональным делом.

— Ну что ж, мы говорим сегодня, в дни нового штурма Грозного. Сформулировали ли вы ответы на свои вопросы к власти?

— Сформулировал. Я считаю, что первая чеченская война — это крупнейшее преступление, за которое его организаторов надо судить. Теперь сегодняшняя история... Я

полагаю, что политик, начинающий свою деятельность с безнравственного поступка, обречен на неудачу. Но я не настолько хорошо знаю ситуацию, чтобы заявить, что Кремль сам организовал безнравственную ситуацию, предшествующую этой войне.

— Другими словами, не знаете, кто осенью взрывал дома?

— Не знаю. Догадываюсь, но публично обсуждать этого не могу. Хотелось бы мне себя утешить, что все делается там чистыми руками, но что-то мне мешает... А уверен в том, что нам будет очень больно и

— Ну сегодня нормальному человеку иначе и думать невозможно.

— Вы не называли имя политика, который, как вы допускаете, мог начать свое восхождение к президентскому трону с безнравственного поступка. Допуская это, вы будете поддерживать Путина, если вас попросят?

— Я буду поддерживать того, кто скажет, что будет продолжать линию Гайдара. Конечно, с учетом и исправлением всех ошибок. Но Гайдар создал систему не запретов, а разрешений. И я за того, кто станет дей-

— Другого может и не быть. Расскажите, если не секрет.

— Году в девяностом мне надо было отправить в Италию факс из Мариинского дворца. (В Смольном тогда еще сидел Гидаспов.) И меня проводили в маленькую комнату, где сидел маленький человек. Выслушав меня, он заявил, что это невозможно. А дело было вовсе не личное, надо было переслать бумагу, подписанную Собчаком. В результате трудной беседы он сказал, что сделает это только из уважения ко мне... И делал. А через неделю звонок из Италии: «Где факс?» — «Давно

— Советская интеллигенция на съездах народных депутатов впервые публично и гласно назвала вещи своими именами. И болезни — тоже. И свои, и общества. Кто произнес формулу «агрессивно-послушное большинство»? Советский интеллигент Юрий Афанасьев. Это советская интеллигенция сделала на съезде все, чтобы был избран Ельцин...

— Да вот я об этом и говорю...

— Ельцин повел страну к демократии и реформам.

— То есть призвал. Но повел-то, как мы сегодня видим, к катастрофе. К катастрофе самой демократии, к войне. Где же сегодня голоса наших пламенных трибунов? Почему мы их не слышим?

— Ну потому, что эти люди так же сбиты с толку, как и другие. Многие опустили руки. Афанасьев вот сам сказал, что он не сделал того-то и того-то, а потому недостойно заниматься политикой и уходит в науку. Как сказал тот же Ельцин в прощальной речи: мы желали одним махом, а не вышло... Сейчас реставрация возможна под другим соусом. Я боюсь тех коммунистов, которые заменили партийные книжки на чековые. И новыми коммунистами назвал бы наших олигархов, которые могут организовать собственное политбюро и диктовать всем и вся. И, на мой взгляд, эта опасность наиболее реальна. Она видна уже невооруженным глазом.

— Так и я о том. Значит, при всех расхождениях наших политических взглядов мы видим одну опасность? И при разном отношении к Горбачеву, Ельцину или Гайдари появляется нечто общее, что, может быть, способно объединить рассеянную рать перестройки? И, может быть, поступок постсоветской интеллигенции еще впереди...

— Борьбась с новыми коммунистами значительно сложнее, чем с престарелой бандой из политбюро. Но ведь придется. Придется всем, кто не предал своих демократических убеждений.

— Вы — человек света, тушовщик?

— Никогда. Презентации ненавижу и никогда на них не бываю. Меня и во время съезда никто от спектаклей не освобождал: отсидел заседание — и на самолет, а с самолета — в гримерную. Или на съемочную площадку.

— Статьи, о вашей знаменитой гримерной. О ней мы узнали, когда вы стали еще и телеведущим...

— Да, действительно все началось с красивого сводчатого потолка в гримерной БДТ, где мы когда-то сидели с Сергеем Юрским. Еще в шестидесятых нам пришла в голову идея, чтобы наши гости на нем расписывались. Тем более что потолок низкий, любой со стула достанет. И первая подпись была, конечно, Товстоногова. Расписались и Солженицын, и маршал Жуков, и Юлий Даниэль, и Высоцкий, и Марк Шагал, и Окуджава, и космонавты, и... Вот мне и пришла в голову мысль сделать на Канале Культуры передачу, которая будет называться «С потолка». Потому что с потолка можно взять любую тему. У нас там на потолке вся жизнь — сотни подписей.

Вышло уже почти сорок передач. Это двадцать шесть минут по субботам. Они разные...

— А вам самому, какая более всего запомнилась? Можно прямо с потолка...

— О страхе. Потому что страх — это то, чем наша страна жила. И чем живет. Надо бояться только страха.

● Беседу вел Андрей Чернов

Олег БАСИЛАШВИЛИ:

МОЯ КРЫША — ПОТОЛОК

В гримерной, где создаются вымышленные лица, чаще можно встретить лицо настоящее

Я не видел его (вживую, а не по телевизору) лет пять. И хотя расстались мы на пороге прихожей его старой питерской квартиры, теперь, в Москве, просовывая голову в гримерку Театра эстрады, я вовсе не был уверен, что он мне обрадуется.

Он — стойкий гайдарадец и ельцинист. Я — ну скорее что-то окопоблочное. Годы назад нас, пусть и не накоротке, свела, а потом и развела политика.

Для восстановления доброго знакомства надо было сказать что-нибудь неформальное, и я не придумал ничего лучшего, как еще из-за двери крикнуть: «Олег, вы уже надели штаны?»

Он сидел перед трюмо в трусах и стирал с себя грим. В «Калифорнийской истории» в трех актах он играет трех разных персонажей

и через десять минут должен был появиться на сцене в английском смокинге.

Не то что душевой, даже рукомойника в комнате не было.

Одетый и праздный всегда имеет преимущество перед голым и работающим. Он сказал, что руки в креме, но от рукопожатия уклониться не смог.

Пока договаривались о завтрашней встрече, пришла девочка-гримерша. Басилашвили скатал шар из намокших салфеток, прицелился и запустил его в черную пластиковую корзину.

И пошел. Шагов с десяти. Гримерша пришла в восторг и заплотировала.

А я понял это как вызов: на чем расстались, тем и продолжим.

стыдно за наше молчание. Хотя сегодня я сам предпочел бы на эту тему не говорить... Но у меня есть ощущение, что чеченская война развязана теми, кто хотел сжечь в этом костре деньги, на которые Россия могла проводить реформы. А Ельцина просто обманули.

— По поводу стыда за молчание о войне. Вы повторили едва ли не слово в слово то, что при получении премии «Триумф» сказали Василь Быков и Александр Володин.

ствовать в этом направлении.

— Знаете, что мне сейчас вспомнилось? Вселившись после августовского путча в кабинет Кирова — Жданова — Романова, Анатолий Александрович Собчак стал жаловаться, что после двух часов работы у него начинается отчаянно болеть голова. Пришлось посоветовать ему позвать батюшку со святой водой. Но вскоре в Смольном опять стало дурно пахнуть. А смольнинское хозяйство Собчака вел тогда Путин. Вы не можете не помнить тот дух и тех людей с очень странными повадками, вдруг замелькавших в приемной мэра... А об организаторских способностях Владимира Владимировича тоже знает пол-Питера. Ничего бездарней, чем кампания по переизбранию Собчака мэром, я в нашем с вами городе не видел. А руководил избирательным штабом Собчака Путин.

— Я видел Владимира Владимировича в последний раз этой осенью. Он пришел в Театр эстрады, где мы с Алисой Фрейндлих играем наш бэдэтешный спектакль «Калифорнийская сюита». Вы этот спектакль видели, а для ваших читателей скажу, что это пьеса, может быть, самого известного современного американского комедиографа Нила Саймона. После спектакля нас с Алисой позвали пообщаться с «наследником». Я спросил у него, помнит ли он, как мы с ним познакомились. Он сказал, что не помнит. Ну я обещал напомнить как-нибудь в другой раз.

послали». — «Нет, к нам пришел только чистый лист». Уже не знаю, почему так получилось...

— А вам не кажется, что образ главного героя нашего времени вы и слепили? Я о переводчике из «Осеннего марафона», о человеке, не способном на выбор даже между женой и любовницей.

— А вы способны?

— Вот я и говорю: герой нашего времени. Я помню, как фантастическим было это попадание. И хотя, как вы сегодня рассказали, вы были советским патриотом почти до самой перестройки, в 1980 году, когда фильм вышел, ваш герой уже шел по диссидентской стезе. Казалось, вот-вот, и он решится на поступок: затравленные те глаза в пол-экрана могли в любую минуту взорваться яростным протестом. Это угадывалось, и многим из нас вы показали нас самих. Раздвоенности и сущностной слабости в самих себе (да и в вашем герое) мы тогда почти не замечали. А потом началась перестройка, мы воспрянули, решили, что теперь-то нам и впрямь все по плечу. Но Горбачев не мог излечить нас от нашей слабости. И мы совершили не поступок, а что-то другое, когда перебежали к радикальному Ельцину.

— Нет, я с вами не согласен. Русская интеллигенция родила и Сахарова, и Лихачева.

— Да я не о русской. Я о нашей с вами, советской.

Народный артист предпочитает «Беломор». Народный

Фото Андрея Чернова